

2) Что нового ты узнал о Хлебе-Батюшке, Печке-Матушке и блюдах, готовящихся в русской печи? Поделись впечатлениями от занятий, посвященных этой теме.

3) Вспомни свои любимые колыбельные песни.

4) Расскажи былины о богатырях. Что в них для тебя стало главным?

5) Какие попевки исполняли наши предки во время праздников?

6) В какие игры ты научился играть?

Народное искусство несет в себе главенство идей *добра, любви, труда и природы*, нравственного и духовного начала, сохраняя в веках память наших предков.

Семейное чтение

Л.М. РАХИМОВА,

учитель начальных классов, школа № 25 им. 70-летия нефти Татарстана,
г. Альметьевск, Республика Татарстан

Учительствую в начальной школе почти тридцать лет, приходится сталкиваться с серьезной детской проблемой — чувствование мира на уровне «хороший — плохой», «горячий — холодный» и так до примитивной бесконечности. И эти слова становятся шелухой наших чувств, в них ничего нет — неоткуда родиться образу.

Как нашим современным детям проникнуть в живописные закоулки русского языка, когда компьютер и видео заменили им лес, двор, общение, книги, стали почти нормой восприятия окружающего мира?! И обычным стал ответ на вопрос: «Ты читал эту книгу?» — «Нет, не читал, я смотрел...» Он, она, они смотрели кино по этой книге.

Во мне до сих пор жива память моих детских открытий, восторгов от домашнего чтения книг, которых было так мало на прилавках книжных магазинов и которые приобретались по великому благу (непонятное выражение нынешнему молодому поколению). Читая в детстве Жюль Верна, Майн Рида, Аркадия Гайдара, Анатолия Алексина, так хотелось почувствовать, что такое «соленый ветер», «плеск морской волны», «костер в ночи»...

Да, голод на чувства — серьезная вещь. И к сожалению, приходится констатировать — дети наши не читают, а если и читают, то только то, что надо по школьной программе.

Как-то я попыталась выяснить, что читают мои ученики, по чьей рекомендации

они выбирают книги. Ни один (!) из опрошенных не дал ответа о выборе книг по совету родителей. Факт тревожный. Тревожный потому, что редко можно встретить современного родителя, который бы сам читал художественную литературу. Из наблюдений сделала вывод, что папы и мамы сами тотально «сидят» в безграничных пространствах Интернета, подавая тем самым пример детям.

Спросила своих первоклассников о сказке про Буратино, они мне выдали хором, что знакомы со сказкой по телевизионному фильму.

Родительские сетования сводятся к одному: дети читать не любят. А я бы сказала: не умеют. Не умеют вникать в красоту слова, не слышат его, и потому им кажутся безмерно скучными и ненужными волшебные прищвинские, паустовские страницы с описанием природы. Один школьник так, например, пересказал мне сюжет паустовской «Корзины с еловыми шишками»: «А это про то, как написали музыку для девочки». Он не смог процитировать ни одной строчки Пушкина. Поэзия слова, возвышенность человеческих чувств, грусть, необыкновенное душевное благородство — все это осталось за рамками его восприятия. Откуда эта глухота?

Когда я сказала маме этого мальчика, что ее сын не умеет читать, она возмутилась: еще бы, мальчик в пять лет сам прочитал «Репку»! Да, он очень рано научился

складывать из слогов слова, а из слов фразы, но читать по-настоящему он не умеет до сих пор. Его этому не научили.

Сейчас многие родители считают необходимым учить ребенка хореографии, плаванию, чтобы его походка, движения были пластичными и гармоничными; музыке, рисованию, лепке — всему, что хоть как-то проявляется в ребенке с первых лет жизни. Это хорошо и правильно. Но почему же к умению ребенка читать мы зачастую относимся примитивно?

Вместе с погремушками и пищащими зайчатами в дом входит книжка. Сначала это ширма, где под огромными картинками две-три строчки текста, потом появляются сказки А.С. Пушкина и стихи А. Барто. Ребенок может слушать их бесконечно. Он уже знает наизусть, как накажет жадную и злую старуху золотая рыбка и что станет с девочкой, попавшей в дом трех медведей. Но каждый день он по несколько раз повторяет одну и ту же просьбу: «Почитай!» Терпеливые родители читают, менее терпеливые сопротивляются, предлагая взамен какое-либо другое занятие, но потом им все равно придется сдаться. Но вот (к родительскому облегчению) ребенок выучивается читать сам. И теперь на все его просьбы следует один и тот же ответ: «Ты же умеешь читать! Не ленись». Ребенок еще только-только приоткрыл дверцу в страну чтения, а мы уже спешим к своим делам, считая свой долг выполненным. И теперь уже об успехах сына или дочери в чтении мы можем судить только по отметкам в школьном дневнике. Что он читает, что выносит из чтения, понимает ли все в тех строчках, по которым пробегает глазами, — в это мы уже, к сожалению, редко вникаем.

Однажды вечером предложила дочери прочитать «Руслана и Людмилу». Она выдвинула привычный аргумент: «Я это видела в кино». Тогда я сказала, что буду читать ей поэму сама: мне хочется перечитать ее. Это заявление несколько улучшило мою позицию, кроме того, ее заинтриговало: с чего бы это мама, уже читавшая когда-то пушкинскую поэму, снова обращается к ней, почему откладывает привычную кипу журналов и берет с полки Пушкина? Мы уселись поудобнее, и началось чтение: «Для вас, души моей царицы...» Я старалась про-

износить строки выразительно, подчеркнуть интонацией музыку слов. «Послушай: «Как ястреб богатырь летит с поднятой грозною десницей...» Разве не слышишь ты в этих строках топот Русланова коня, звуки грозного боя витязя с головой? А теперь другие строчки — о Людмиле, попавшей в сад Черномора: «И вдруг неведомая сила, нежней, чем вешний ветерок, ее на воздух поднимает. Несет по воздуху в чертог и осторожно опускает...» В этих строчках — шепот ветра в тишине вечера, покой, аромат волшебных цветов... А ведь и первые строчки, и вторые написаны одним и тем же размером, в одном и том же ритме».

По ходу чтения выяснилось: дочери далеко не все понятно в прочитанном: она не знает значения многих слов и выражений. На помощь пришли словари, энциклопедии. Главное — научить пользоваться ими. Справочная литература стала необходимой каждый день.

Потом были вечера, когда мы вместе читали Асадова, Андерсена, Радзиевскую. В эти часы мы обе забывали о телевизоре и компьютере. Дочь ждала этих вечеров, как большого праздника. Не частыми были такие вечера: то дочь была занята, то я. Но если бы социолог попросил проанализировать мое свободное время, то часы, отданные совместному семейному чтению, я зачислила бы не в графу обязанностей по воспитанию детей, а в графу собственного полезного досуга.

А вот другой пример. В один из дней группы продленного дня я прочитала своим первоклассникам с юмористическим переливом в голосе рассказ Драгунского «Заколдованная буква». И каково было мое удивление, когда утром, придя в класс, я обнаружила деток в поиске этой книги на полке среди других. Найдя ее, они жадно перелистывали страницы, где помещались слова «фыфки», «хыхки», и еще раз от души хохотали, поняв тонкий детский юмор, удачно подмеченный писателем.

Убеждена: семейное совместное чтение становится как бы камешком, брошенным в воду: по поверхности воды потом долго еще бегут круги, пробуждая в наших и детских душах чувства, которым и нам, и им не хватает.